

(Грузовик был утащен редактором на техобслуживание.)

Фан Еинь тяжело смежил веки, и тошнота, подступившая к горлу, медленно отступила.

Эта ночь закончилась.

Он с облегчением выдохнул. Подобные мучения стали для него привычными с того самого момента, как он повстречал самого себя.

Цинь Юэфан сидел на краю кровати, достал привычную сигарету. Щелкнула зажигалка, и на кончике сигареты вспыхнул крошечный огонек.

Он курил красиво: длинные, изящные пальцы, держащие сигарету, казалось, играли с каким-то изысканным инструментом, источая притягательный аромат.

Обнаженный по пояс, он демонстрировал рельефные линии торса, и его атлетичная фигура, едва прикрытая простыней, выглядела пугающе соблазнительно. От него исходила мощная мужская энергия, от которой кровь начинала бежать быстрее.

Цинь Юэфан приоткрыл губы, выпуская дым, который окутал тлеющий огонек и потянулся к лицу, размывая его профиль в полумраке.

Фан Еинь невидящим взглядом смотрел в пустоту, прищурившись. Его окутывала волна усталости. Его нынешнее тело было не приучено к запаху дыма, нос покраснел, и он обиженно съежился.

Ему было крайне неприятно. Раньше, будучи тем, кто контролирует ситуацию, он всегда заботился лишь о собственном комфорте, ничуть не беспокоясь о состоянии партнера. Теперь же он отчетливо ощущал всю неловкость своего положения.

Вид у Фан Еиня был вялый.

В глазах Цинь Юэфана это выглядело как усталая застенчивость — жалко и мило. Он тихо усмехнулся, в его смешке сквозила удовлетворенная привязанность, и наклонившись, он поцеловал Фан Еиня в щеку.

— Завтра вечером небольшая вечеринка. Пойдем вместе, хорошо?

Это прозвучало как вопрос, но на деле не допускало возражений.

Фан Еинь тихо ответил:

— М-м.

Он опустил голову, и упавшие на лицо пряди волос скрыли раздражение в его глазах. Его пальцы впились в простыню так сильно, что ногти побелели.

Почему?

Почему он до сих пор не пресытился им?

Фан Еинь был рядом с Цинь Юэфаном уже два года, с восемнадцати до двадцати лет.

Он никогда не думал, что станет таким терпеливым. Тот, у кого нет капитала, в конечном счете обречен быть лишь инструментом в чужих руках.

Когда он только оказался рядом с Цинь Юэфаном, им двигала разве что благодарность, и Цинь Юэфан не принуждал его.

Однако стоило Цинь Юэфану посмотреть на него с тем самым выражением, как его начинало мутить, подкатывала тошнота — это было неконтролируемое отвращение к самому себе.

Да кто, черт возьми, захочет быть объектом вожделения для самого себя?

Но прошло совсем немного времени, и Цинь Юэфан перешел в наступление. В конце концов, он был таким эгоцентричным человеком.

Он выждал момент и взял свое, жестко и безапелляционно.

А у него не было ни единого шанса сопротивляться, да он и не мог.

После того случая, стоило ему увидеть приглушенный оранжевый свет в отеле или свое отражение в зеркале на потолке, его начинало неудержимо тошнить.

Целый месяц, стоило ему увидеть лицо Цинь Юэфана, его рефлекторно выворачивало наизнанку.

Цинь Юэфан никогда не отличался мягким нравом. Столкнувшись с таким отторжением, Фан Еинь думал, что его просто выбросят, и это было бы даже к лучшему: он мог бы жить своей жизнью, лишь бы снова не оказаться под властью этого человека.

Но Цинь Юэфан сумел его исцелить. Что же касается методов... Фан Еинь едва заметно усмехнулся уголками губ.

Его тело словно было любимцем небес: даже эта насмешливая улыбка на красивых губах выглядела как распускающийся цветок, не позволяя уловить истинных чувств.

Цинь Юэфан как раз заметил эту полуулыбку, и в его сердце что-то дрогнуло.

Он повернул голову Фан Еиня к себе, заставляя смотреть прямо в глаза.

В них читалось пугающее, темное желание.

Цинь Юэфан тихо произнес:

— Ц.

Ему снова захотелось послушать, как поет его маленькая птичка.